

Не так давно вышла интересная книга Захара Прилепина «Жизнь и строфы Анатолия Мариенгофа» (Москва, 2018). Я давно занимаюсь изучением литературы начала XX века, в том числе и ранней советской литературы, поэтому внимательно её прочитал. Конечно, размах творчества З. Прилепина поражает: от описания полубандитских персонажей до настоящего героизма защитников Донбасса, а рядом и Соловецкий лагерь, и вдруг книга о социалистическом реалисте Леониде Леонове (написана по признанию самого автора при содействии небезызвестного Д. Быкова¹)... О многих сочинениях З. Прилепина я отзывался в печати, и часто весьма положительно. Но этот отзыв — не рецензия и не критика, просто у меня другое представление о личности и творчестве А. Мариенгофа, которое я и хочу предложить вниманию читателя.

Сочинения, да и вообще вся литературная биография А. Мариенгофа, начиная с 1930-х годов и до перестройки, были отведены на второй план не только русской, но и советской литературы. Почему? Ответы могут быть разными. Мариенгоф (1897–1962), как и многие поэты, позднее ставшие «советскими», к эмиграции не примыкал, советскую власть даже если и не очень любил, но всё же считал необходимым явлением в истории отечественной культуры. Характерен его мемуарный отзыв об одном из престарелых к тому времени большевиков М.Я. Вайнштейне, члене партии с 1903 года: «В эмиграции Михаил Яковлевич был близок к Владимиру Ильичу, находясь у него как бы в личных политических секретарях.

— Вы, Михаил Яковлевич, любите Ленина? — однажды спросил я. — Очень?

¹ В настоящее время Д. Быков (Зильбельтруд) признан иноагентом. *Прим. ред.*

Анатолий Мариенгоф
(1897–1962)

— То не то слово, — ответил он. — Что это такое “любить Ленина”? Нет, он всегда висит в красном углу большевистской души, как икона в крестьянской хате» (из книги «Это вам, потомки!») Цит. по «Бессмертная трилогия», М. 2006, стр. 418).

Сказать по правде, я не знаю, кто такой Вайнштейн. Обращаюсь к интернету. М.Я. Вайнштейн присутствует в одном из блогов, где цитируется эта книга Мариенгофа. И всё. Так и остаётся неясным, реальный это человек или литературная выдумка самого А. Мариенгофа.

Интересны и другие разговоры Мариенгофа о социалистической демократии с разными деятелями коммунистической партии, многие из которых запросто общались с представителями литературной и театральной среды. Например: «У Таировых за столом затеяли разговор о демократии. В нашем понимании и в американском.

Насмешливо почесав свои рыжие бакенбарды, Карл Радек сказал:

— Конечно, и у нас могут быть две партии... одна у власти, другая в тюрьме.

И в столовой стало тихо. Никому больше не захотелось разговаривать о демократии» (там же, стр. 453).

Но, как ни странно, а, возможно, даже закономерно, Мариенгофу не нравился только сталинский этап так называемого строительства социализма, который ему, в отличие от Есенина, удалось даже пережить без травм и потерь. Особенно ясно это видно из одной записи в той же книге: «Труп тирана, кровавого тирана, верховного палача, государственного преступника следует бросать в помойную яму, а не помещать его в мраморном мавзолее — усыпальнице рядом с Лениным» (стр. 471). Дескать, вот великий-то Ленин «нам путь озарил», а вот Сталин-то стал палачом. Между прочим, и при Хрущёве для Мариенгофа ситуация не очень-то изменилась. В одной из бесед с профессором Эйхенбаумом произошёл следующий диалог:

«— А ты знаешь, Толя, что во Французской Академии сказал о тебе Виктор Гюго?

— Нет, к стыду своему не знаю.

— Может, тебе это интересно?

— Очень!

Тогда старый Эйх снял с полки только что вышедший XV том Гюго и с отличной выразительностью стал читать двадцать пятую страницу: “Ни один поэт не заставлял свои трагедии и комедии сражаться с такой геройской отвагой. Он посылал свои пьесы, как генерал отправляет на приступ своих солдат. Запрещённая драма немедленно замещалась другой, но и её постигала та же участь”.

Эйх захлопнул книгу и замолчал, не без самоудовлетворения и торжественности.

— Да, профессор, Виктор Гюго это сказал обо мне. И это святая истина. Сегодня, то есть 9 февраля 1957 года, ВСЕ мои пьесы запрещены.

— Сколько их?

— Больших девять. Юношеские не в счёт, очень плохие — тоже. Одни запрещали накануне первой репетиции, другие — накануне премьеры, третьи — после неё, четвёртые — после сотого спектакля (“Люди и свиньи”), пятые — после двухсотого (“Золотой обруч»)» (стр. 428).

Видимо, суть дела не только в том или ином отношении к советской власти, а в том, что сама стилистика творчества Мариенгофа, как и других имажинистов, явно противоречила идеологии и стилистике социалистического реализма. Взаимной любви не было, хотя и была некоторая симпатия, главным образом со стороны самого поэта. Но не было такой уж жгучей ненависти. Хотя есть и другие замечания: «Стоял тёплый августовский день. Мой стол в издательстве помещался у окна. По улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, что шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано: “МЫ ТРЕБУЕМ МАССОВОГО ТЕРРОРА”» (стр. 16). Мемуарист, вне всякого сомнения, осуждает призывы такого рода. Однако в вышедшем в 1918 году коллективном сборнике «Явь» имеется такое стихотворение Мариенгофа:

*Кровью плюём зазорно / Богу в юродивый взор.
Вот на красном чёрном: / — МАССОВЫЙ ТЕРРОР.
Мётлами ветру будет / Говядину чью подместь.
В этой чёртовой груди / Наша красная месть. (...)*

Не правда ли, это напоминает некоторые строки Маяковского:

*А мы — / не Корнеля с каким-то Расином — / отца, —
предложи на старьё меняться, — / мы / и его / обольём
керосином / и в улицы пустим — / для иллюминаций.*

А ведь Маяковского Мариенгоф всю жизнь ненавидел. Не говоря уже о некоторых так называемых пролетарских поэтах, которые писали примерно то же самое. Владимир Кириллов:

*Мы во власти мятежного, страстного хмеля,
Пусть кричат нам: «вы палачи красоты»;
Во имя нашего Завтра — сожжём Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы. (...)*

Как говорится, пролетарским поэтам господь простит, за Маяковским стояла чекистка Л. Брик, но откуда такая злоба у А. Мариенгофа, которого знаменитый в то время актёр МХТ В. Качалов называл «всероссийским денди»? Странно как-то. Может быть, помогут разобраться в этом воспоминания одного из имажинистов, Александра Кусикова: «Но он пустой, без вдохновения, без внутренней культуры, без нутра; как, никто: эстетствующий приказчик из галантерейного магазина. Вот и всё! Вот и ничего! Может быть, и есть у него хорошие строчки, или образы, да только всё это так, зря. Целого нет. Без лица».

Говорят, на Кусикова как мемуариста ссылаться опасно, тем более, что многолетняя дружба Мариенгофа с Есениным, казалось бы, свидетельствует об обратном. Углубляться в эту тему не входит в нашу задачу, тем паче что на их дружбе лежит отенок — отчасти, возможно, фарсовый — гомосексуальных отношений. Есенин, как никто другой из имажинистов, был близок к властям того времени. Был на приёме у Троцкого, где получил весьма серьёзные обещания. Вот что пишет по этому поводу один из имажинистов — Рюрик Ивнев — в Дневнике (28 августа 1923 года): «У нас будет журнал “Вольнодумец” (результат визита Есенина к Троцкому). Не думаю, чтобы вышло из него что-нибудь особенное, принимая во внимание узурпаторские наклонности Мариенгофа. Он был так беспомощен и жалок без Серёжи, и в этот период я его очень любил и жалел, а теперь он так явно извлекает выгоды, “выжимая сок” из своей дружбы с Серёжей. Всё это противно до тошноты, и у меня нет никакой радости, несмотря на то, что, вероятно, я смогу напечатать свой роман. Валя Старцев ругал стихи Мариенгофа. Я защищал, но ей-богу, не знаю, кто прав, кто виноват».

* * *

Само собой разумеется, один из главных героев в воспоминаниях А. Мариенгофа — это Сергей Есенин. Об их знакомстве и дружбе в литературе имеется масса свидетельств. Они познако-

мились в кругу имажинистов. Прямо можно сказать, что в те времена идейное разнообразие литературных групп и поэтов было даже удивительным. Например, Мариенгоф пишет: «Не чуждо нам было и гениальное мракобесие Василия Васильевича Розанова, уверяющего, что счастливую и великую родину любить не великая вещь и что любить мы её должны, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна. Именно, именно когда наша “мать” пьяна, лжёт и вся запуталась в грехе... Но и это ещё не последнее: когда она, наконец, умрёт и “обглоданная евреями будет являть одни кости” — тот будет “русский”, кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого» (стр. 119).

Это высказывание выглядит просто-напросто удивительным, если учесть, что сам Мариенгоф — сын еврея-выкреста, хотя своё происхождение он никогда и нигде не афишировал. Но достаточно положительная ссылка на В. Розанова вызывает удивление. Мне кажется, что никакой по-настоящему глубокой дружбы между Есениным и Мариенгофом быть не могло. И в романе «Без вражья», и в книге «Мой век, мои друзья и подруги» образ Есенина выглядит не слишком-то приглядно. По мысли Мариенгофа Есенин без конца метался между чувством любви к России и стремлением вклиниться в ряды высшего света, вплоть до императорского двора. Никто, конечно, не отрицает, да и не может отрицать то, что Есенин — русский национальный поэт, но уровень его тщеславия, особенно для литератора начала 1920-х годов, просто поражает. Особенно это сказывалось на истории его многочисленных женитб. Мариенгоф рассказывает об одной из прежних жён поэта, внучке Льва Толстого — Софье Андреевне Толстой:

«Узнал её по портретам Льва Николаевича.

А когда-то Есенин хотел жениться на дочери Шаляпина, рыженькой веснуцатой дурнушке.

Потом — Айседора Дункан.

И всё для биографии.

Есенин — Шаляпина!

Есенин — Дункан!

Есенин — Толстая!

Кого же любил Есенин?

Больше всех он ненавидел Зинаиду Райх.

Вот её, эту женщину, с лицом белым и круглым как тарелка, эту женщину, которую он ненавидел больше всех в жизни, её — единственную — и любил. (...) Мне кажется, что и у неё другой любви не было. Помани её Есенин пальцем, она бы от Мейерхоль-

да убежала без резинового плаща и без зонтика в дождь и в град» (стр. 360–61).

* * *

В 1930-е — 50-е годы Мариенгоф обращается к драматургии, старается, по собственному признанию, «лизнуть» тогдашних правителей. Особенно это относится к пьесе «Остров великих надежд» (1951 год). Интересно об этом пишет в своих воспоминаниях артист Михаил Козаков, друг семьи Мариенгофа. «На “Остров великих надежд” в Питере в режиссуре Г.А. Товстоногова в Ленинградском театре им. Ленинского комсомола Мариенгоф и отец (Отец Михаила Козакова — Г.М.) возлагали действительно большие надежды. В пьесе и спектакле действовали Ленин, Сталин, Черчилль, Рузвельт... Спектакль вышел в 1951 году. Папа и Толя решили “лизнуть”. Положение их в литературе и в жизни было отчаянное. Не печатали, не переиздавали, не платили...

Но, как будет сказано впоследствии у Александра Галича: “Ох, не шейте вы, евреи, ливреи...”. Хотели лизнуть одно место, и оказались в этом самом месте. Спектакль был разгромлен в “Правде” и попал в Постановление о драматургии... Лизать тоже надо уметь».

А до этого, ещё во время войны, Мариенгоф написал балладу «Капитан Гастелло», поэму о Зое Космодемьянской «Зоя — Таня» и др. Но, как уже говорилось, его литературной карьере это не так-то уж помогло. В своих мемуарах, особенно последней книге «Это вам, потомки», он удивляется, что дожил до 60 лет, не подвергшись ни репрессиям, ни преследованиям. Это действительно удивительно, поскольку он пережил большинство своих друзей и подруг, кроме Рюрика Ивнева и А. Кусикова, который давно уже находился за границей. В стихах Мариенгоф немало кривлялся, порой становясь каким-то циником, но проза его, особенно мемуары, серьёзна и интересна.

Подводя итоги своему исследованию, Захар Прилепин пишет: «По факту — Мариенгоф всю жизнь оставался тем, с чего начал свой путь, — советской литературной богемой» (стр. 158). Может быть, это отчасти и так, но мне почему-то ближе та характеристика, которую дал его сочинениям Ленин. Вождь выразился кратко: «Больной мальчик».

Санкт-Петербург, декабрь 2023 года